

Монтеверди Клаудиа

23.07.06

Газета
2006-24-23

Изд-е
с. 18

Императора не судят

«Коронация Пoppей» Монтеверди в Баварской опере

Поляра Садых-Заде / МЮНХЕН

В спектаклях Баварской оперы преобладает стиль чувственный и дерзкий: мюнхенцы любят, чтобы им сделали красиво. Дэвид Алден, поставивший здесь полтора десятка спектаклей, вполне соответствует их вкусам и ожиданиям. Смешивая стили и эпохи, он не боится показаться вульгарным: передразнивает автора, переиначивает сюжет. Однако если посмотреть подряд несколько спектаклей Алдена (а на нынешнем фестивале их шесть), становится тошно. Стремление режиссера угодить тем, кто приходит в оперу развлечься, приводит к тому, что гламурность начинает преобладать над содержательностью: главное, «чтобы костюмчик сидел» и потрясал воображение. Пока ухо услаждается вокалом, ум лихорадочно пытается осмыслить парадоксы сценографии и уследить за множеством шуточек, затмевающих сюжетную линию.

Так случилось и в постановке «Коронации Пoppей». Последнюю оперу Клаудиа Монтеверди сравнивают с драмами Шекспира. Сюжет, основанный на эпизоде из биографии Нерона, отрефлексирован Монтеверди в духе «Человеческой комедии». Злодеяния императора и его возлюбленной Пoppей преподнесены автором безоценочно: выводы он предоставляет сделать зрите-

лю. Но музыка оперы далеко не бесстрастна: она наполнена горячим чувством, эротикой и юмором. Венецианский мастер XVII века обладал уникальным даром — транслировать сильные эмоции столь достоверно, что зал буквально заражается ими.

Контрасты Монтеверди любил и использовал как главный художественный прием. Смело совмещает он сцену ухода из жизни философа Сенеки и сценку ухаживания слуги за служанкой. Мальчик в костюме посыльного и бойкая субретка бегают вокруг гроба, кавалер забирается под юбку к даме... Волнующий момент прерывается приходом Нерона с наперсником: после сцены, в ходе которой выясняется сложная сексуальная ориентация Нерона, император вдруг поет искреннюю любовную арию, обращенную к Пoppее. На этом приеме взаимопроникновения бытового и трагического Алден строит драматургию спектакля. Любовь двух монстров, Нерона и жены военачальника Оттона, подлинна и сильна. Во имя ее обрекается на изгнание Октавия — супруга Нерона, приговаривается к смерти Друзилла, обвиненная в покушении на Пoppею.

Пoppею режиссер вывел голливудской красоткой, полногрудой и длинноногой. Ее кокетство изощренно, мужчины для нее — инструмент достижения целей. Впрочем, к Нерону она питает

искреннее чувство, но это не мешает разыграть сцену притворного ухода, чтобы подтолкнуть императора к решению: выслать Октавию и жениться на Пoppее. Рыжеволосая стройная Маргарита Де Ареллано идеально вписалась в роль и по внешним данным, и по голосу. Не случайно она же потрясающе спела и сыграла обольстительную Лулу в опере Берга на прошлогоднем фестивале. На роль Нерона пригласили феерического контра-тенора Яцека Лашковского: под стать Ареллано, он рыжеволос и темпераментен. Капризность своего персонажа Лашковский ощущал, похоже, на физиологическом уровне: в его Нероне уживались нежность и звериная жестокость, мимозная ранимость и упрямая остервенелость. Талантливая актерская игра и замечательное музыкальное исполнение (за пультом стоял Айвор Болтон) не дали спектаклю Алдена скатиться в гламур, в пустое зрелище. В финале под хрустальными люстрами в момент наивысшего торжества сходится царственная пара, Нерон и Пoppей. Они празднуют победу, Пoppей преисполнена радостных надежд. Но в момент нежного дуэта на заднем плане возникает мрачный Хронос, напоминая о бренности существования и непостоянстве любви. Любовники не видят его, но мы понимаем, что победа Пoppей — не навсегда.